

§ 1. Формирование конституционного права как самостоятельной отрасли юридической науки

Исторически произошло так, что в отличие, например, от науки гражданского или уголовного права наука конституционно-го права сложилась как самостоятельная дисциплина во второй половине XIX в., а во весь голос заявила о себе только в XX в.

Это сравнительно позднее возникновение объяснить нетрудно. Для того, чтобы конституционное право как юридическая наука сформировалось в структурированную систему знаний, необходимо было, чтобы правовое регулирование форм и способов осуществления государственной власти, т. е. структуры, образования и деятельности органов государства, достигло значительно-го развития, чтобы сложилась более или менее развернутая система конституционных и иных правовых норм, регулирующих эту сферу отношений, а вопросы государственной жизни (в том числе отношения власти и граждан) решались бы не по произволу того или иного государственного властного лица, а на основе права и в соответствии с ним. Как образно отметил один из русских дореволюционных ученых: "...до тех пор, пока монарх может сказать о себе "государство — это я", науке государственного права нет и не может быть места"¹.

Сказанное не означает, что в системе юридических знаний ранее не было места вопросам, входящим в сферу государственного права; признавалось деление права на частное и публичное, использовался и термин "государственное право". Однако это далеко не равнозначно существованию самостоятельной систематизированной дисциплины, высокого теоретического уровня и большой практико-прикладной значимости.

Не менее показательны и то, что вопросы государственного права долгое время рассматривались в рамках принятой в гражданском праве, идущей от римского права трехзвенной системы институции: о лицах, о вещах, об исках. По этой схеме, например, высшие органы государственной власти попадали в раздел о лицах, территориальные вопросы — в раздел о вещах, а в раздел об исках попадала у некоторых авторов не только судебная власть, но и выборные органы. В самом конце XVIII в. Блэкстон в своих

знаменитых комментариях английского права в разделе о лицах говорит "о парламенте, о короле и его титуле, о господах и слугах, о мужьях и женах, о родителях и детях". Эти институциональные подходы, заимствованные у частного права, имели объективное основание, поскольку на основе частноправового принципа (на основе личных прерогатив и привилегий) строились по преимуществу и сами отношения государственной власти.

Таким образом, формировавшаяся в XIX в. наука конституционного права не нашла в предшествовавшем развитии юридической науки сколько-нибудь значительной исходной опоры, в отличие от гражданского (частного) права, подвергнувшегося после рецепции римского права длительной научной обработке, многие результаты которой оказались достаточно адекватными новой системе товарно-денежных рыночных отношений.

Однако у науки конституционного права имелся иной плацдарм, значение которого трудно переоценить. Это — политическая философия XVIII в., и прежде всего труды таких ее представителей, как Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Дж. Локк, Д. Дидро, Т. Джефферсон и др. Именно в этих трудах сформулированы многие принципы, восприятие и развитие которых позволило создать в конечном итоге развернутую конституционно-правовую доктрину, ставшую не только самостоятельной, но и ведущей отраслью юриспруденции. Речь идет о таких принципах, как *народный суверенитет*, *разделение властей*, *верховенство конституции*, *неотчуждаемость основных прав* и т. п. Однако как ни важна роль политической философии просвещения в генезисе науки конституционного права, историческая дистанция между ними слишком значительна, чтобы можно было говорить о прямой преемственности.

Политическая философия просветительства была направлена на необходимость преобразования существовавшего государства, его институтов и методов правления; наука конституционного права формировалась исходя из объективной потребности юридического оформления и закрепления новой, уже реально возникшей системы политических отношений и институтов буржуазного общества. Отсюда и существенные различия между первой и второй, хотя общей для них оставалась исходная установка: "заменить правление людей правлением закона".

Становление науки конституционного права в огромной степени определялось ее практико-прикладной функцией: изложение и систематизация все возрастающего потока норм государственного права, выработка требуемых практикой новых

юридических понятий, конструкций, технологий (например, избирательных систем, законодательной техники, законодательной процедуры и т. п.).

---

§ 2. "Классическая школа"

На первом этапе развития науки конституционного права господствующее положение в ней занимала так называемая "классическая школа", заложившая основы развитой демократической конституционно-правовой доктрины. Эту школу называют также "юридической", поскольку свою главную задачу ее представители видели в разработке основополагающих принципов, норм, категорий государственного права, систематизации его норм, восполнении пробелов и т. п., что было особенно важным в становлении нового конституционного права. Для обоснования данного научного подхода использовалась методология юридического позитивизма — сознательное ограничение предмета юридической науки лишь *правовой формой* общественных явлений. Все видные представители классической школы исповедовали именно такое методологическое кредо.

По утверждению немецкого ученого П. Лабанда, научная задача изучения действующего права "заключается в конструировании правовых институтов, в приведении отдельных правовых положений к общим принципам и, с другой стороны, выведения вытекающих из этих принципов следствий. Для разрешения этой задачи нет других средств, кроме логики... Все исторические, политические и философские рассуждения, как бы они ни были ценны сами по себе, для догматики определенной правовой материи не имеют значения и часто служат лишь для того, чтобы скрыть недостаточность конструктивной работы"¹.

Видный российский правовед Ф. Ф. Кокошкин подчеркивал, что юридическая наука о государстве, т. е. наука государственно-го права, изучает не совокупность всех явлений,

связанных с государством, а лишь "ту правовую связь, которая соединяет людей в такой союз; она изучает государственную жизнь лишь постольку, поскольку она определяется нормами права. Изучая таким образом явления государственной жизни только с одной стороны, юридическая наука не стремится дать этим явлениям полной, все-сторонней, исчерпывающей характеристики, но стремится только выяснить их правовую сущность, их юридическую природу"².

Самый, пожалуй, видный представитель классической школы — немецкий ученый Г. Еллинек постоянно подчеркивал необходимость методологического различия между социальным учением о государстве и учением о государственном праве. Содержание первого — фактическое и историческое; содержание второго — юридические нормы, которые, хотя и должны найти свое выражение в реальном бытии государства, должны быть строго отделены от этого социального бытия³.

Подобные методологические установки не казались представителям классической школы ограниченными, поскольку они видели в государстве преимущественно юридическое явление¹, и, соответственно, юридическое видение государства дает более всего для его понимания. В этой конструкции, сколь бы она ни была спорной, видно отчетливое стремление в развитие либерально-демократических идей отказаться от представлений о государстве лишь как властном механизме управления обществом, основанном на фактической силе. Не случайно именно в этот период входит в науку понятие "правовое государство".

По своим целям и объективным результатам классическая школа может быть названа либерально ориентированной. В известной мере ее допустимо рассматривать и как своеобразное в методологическом плане отражение в юридической науке установок экономического либерализма. Большинство видных представителей школы придерживалось либерально-демократических взглядов, хотя доля либерального и демократического была различной в разных конкретно-исторических ситуациях. Во всяком случае в рамках этой школы не было влиятельного реакционно-ретроградного крыла.

Вместе с тем на подходы представителей школы к проблемам конституционализма, парламентаризма, законотворчества и многим другим в немалой степени повлияло то обстоятельство, что в рассматриваемый период преобладающей формой правления была монархия, переживавшая процесс превращения в конституционную монархию. Процесс этот был необратим, но достаточно сложен и противоречив, поскольку отражал сосуществование различных социально-политических сил. (Напомним, что до

первой мировой войны в Европе было только три республики.) Многие представители классической школы не выступали как сторонники республиканской формы правления, предпочитая эволюцию конституционной монархии в либерально-демократическом духе.

Этим объясняется, в частности, то, что в трудах уже упоминавшихся Г. Еллинека, П. Лабанда и других суверенитет понимается только как государственный (а не суверенитет народа). Выдвинутая тем же Г. Еллинеком теория "самоограничения государственной власти", согласно которой эта власть призвана определять правовые рамки своей деятельности и связана ими, несомненно демократическая для своего времени (в России правыми силами она оценивалась как опасно революционная), вместе с тем оставляла монархической власти достаточную свободу усмотрения в установлении пределов "самоограничения". Преобладание монархической формы правления предопределило и то большое внимание, которое представители классической школы уделяли правовому положению главы государства, его взаимоотношениям с представительными органами и т. п.

Исключением в этом плане была французская конституционно-правовая доктрина, сложившаяся, когда Франция стала парламентской республикой. Перед П. Мишу, А. Эсменом и другими французскими авторами не стояла задача обоснования равновесия между монархом и парламентом. Традиции, идущие от Декларации прав человека и гражданина 1789 г., не позволяли отказаться от принципа народного суверенитета как источника государственной власти, что предопределило и неприятие ими конструкции "самоограничения государства". Стержневое место в работах французских представителей школы занимал парламентаризм (что соответствовало роли парламента в политической системе страны), а также тесно взаимосвязанные с ним партийная система, избирательное право и т. п. Характерно, что будучи сторонниками парламентаризма, многие авторы, в том числе наиболее известный из них А. Эсмен, высказывались за ограничение всеобщего избирательного права. Эсмен считал наиболее совершенной моделью двухпалатный парламент при широких полномочиях верхней палаты в целях "разумного сочетания духа прогресса и традиций консерватизма". Поскольку во Франции в XIX в. государственный строй и конституции неоднократно менялись, Эсмен настойчиво подчеркивал, что принцип преемственности сильнее всех этих перемен — "государство по природе своей вечно, и юридическое существование его не допускает никакого перерыва"¹.

Виднейшим представителем юридической школы в Англии был А. Дайси. Его труды и сегодня считаются в этой стране классическими. Ключевые моменты во взглядах Дайси — верховенство парламента и "правление права". Именно парламента, а не народу, по мнению Дайси, принадлежит суверенитет, акты парламента непререкаемы, каково бы

ни было их содержание. "Правление права" призвано обеспечить гарантии индивидуальной свободы, и главная роль в этом принадлежит независимым судьям, которые ограждают подданных не только от произвольных актов администрации, но и от законодателя. Обеспечение прав и свобод Дэйси считал сферой не статутного права (законов), а преимущественно "общего права".

Особенностью развития науки в США является как раз отсутствие классической школы государственного права, если не считать некоторые явно подражающие европейским образцам работы, не оставившие глубокого следа. Стилю американского мышления были чужды отвлеченные теоретико-методологические установки этой школы и гораздо ближе эмпирические подходы, что и привело к раннему формированию в США политической науки, о которой речь пойдет ниже. Сказалась и традиционная американская неприязнь к государственной власти, к которой классическая школа, особенно в лице немецких авторов, испытывала пиетет.

---

§ 3. Развитие идей "классической" и иных школ в российской дореволюционной науке

Наука конституционного права в России, формирование которой началось после реформ 1864 г. и шло достаточно быстрыми темпами, не может, к сожалению, похвастаться собственной пред-историей. Она складывалась в значительной мере по образцу европейской модели, и прежде всего немецкого варианта, классической школы. Объективной предпосылкой этого было сходство форм государственного развития в обеих странах, даже с учетом того, что Германия гораздо быстрее шла по пути преобразования монархии в конституционную. Влияние немецкой школы признавали и ведущие представители российской науки конституционного права, которые в большинстве своем учились в университетах Германии. Русский государствовед Ф. Тарановский писал в этой связи "о заимствовании конструктивных приемов немецкой школы и применении их к разработке отечественного государственного права"¹.

Все это, однако, ни в коей мере не снижает высокий теоретический уровень и не

уменьшает оригинальность российской науки конституционного права, или права государственного, как она себя по преимуществу называла в связи с отсутствием в стране конституции. Во всяком случае в двух отношениях она выгодно отличалась от немецкой науки.

Во-первых, широтой сравнительно-правового кругозора. Российская наука государственного права не знала чувства предубеждения и превосходства в отношении зарубежного права и науки любой страны, что было свойственно в силу ряда исторических причин немецкой доктрине, особенно в отношении Франции, и не замыкалась подобно ей в национальных рамках.

Во-вторых, русскую конституционно-правовую доктрину отличала большая политическая смелость, более последовательная ориентация на необходимость изменения государственного строя страны, что более всего ощущалось в преддверии событий 1905—1906 гг. Либерально-демократическое крыло в русской юридической науке было значительно сильнее право-консервативного.

Можно указать и на значимое теоретическое различие (в общих рамках юридической школы) во взглядах российских и немецких ее представителей. Г. Еллинек и его последователи свое видение государства как юридического явления заключали выводом о том, что государство — это *особое юридическое лицо*. И в русской науке были сторонники такого подхода (например, уже упоминавшийся Ф. Кокошкин), однако преобладала здесь трактовка государства как *"юридического отношения"*.

Наиболее четко эту позицию сформулировал один из видных российских государствоведов Н. Коркунов. Он писал, что государство может выступать как субъект права — юридическое лицо. Но происходит это только тогда, когда речь идет о гражданско-правовых и административно-правовых отношениях. Однако кроме этих отношений, писал Коркунов, "где государство как особая личность противопоставляется гражданам, граждане имеют права и обязанности именно, так сказать, в самом государстве как составляющие его коллективную личность члены. Таковы все, так называемые политические права, право на участие в законодательстве, суде, управлении. Эти права и обязанности не могут быть понимаемы как права в отношении к юридической личности государства. Эти права и обязанности не составляют отношения государства к чему-либо вне его стоящему: напротив, они образуют внутреннюю организацию государства, как юридического лица. Поэтому мы и говорим, что это права и обязанности не в отношении к государству, а в самом государстве. Другими словами, как и все коллективные личности... и само представляет собой юридическое отношение, субъектами которого являются составляющие его граждане... Поэтому и в основе государственного права должно быть положено понимание

государства как юридического отношения"

1

Научная ценность обеих конструкций относительна, тем не менее подход Коркунова заслуживает предпочтения, поскольку он видит в государстве нечто большее, чем власть, стоящую над обществом.

В развитии русской дореволюционной науки государственно-го права можно выделить два этапа: с конца XIX в. до событий 1905 г. и последующее десятилетие. Для первого периода особенно характерен сравнительно-правовой аспект, изучение зарубежных форм правления, что достаточно наглядно иллюстрировало отсталость российского самодержавного строя и в конечном счете приводило к выводу о необходимости реформ. Цель реформ виделась по преимуществу в превращении России в конституционную монархию (что означало отказ от неограниченного самодержавия) с утверждением принципа разделения властей. Эта концепция выражена, в частности, в трудах Б. Н. Чичерина — одного из крупнейших русских дореволюционных авторов. Средство ограничения самодержавия Чичерин видел в создании двухпалатного представительного органа сословного характера, наделенного большими правами, но при этом предупреждал, что парламентское правление в России встретится с большими трудностями.

Во второй период, когда после 1905 г. в российском самодержавии отчетливо проступили черты конституционной монархии, на первый план в юридической науке выдвинулись конкретные проблемы и институты российского государственного права. Произошло размежевание между теми, кто полагал, что Россия не должна идти дальше по пути ограничения самодержавия (Н. Коркунов), и сторонниками дальнейшего углубления реформ путем усиления народного представительства и прав представительско-го органа, пусть даже и в рамках конституционной монархии (М. Ковалевский).

Среди представителей русской юридической школы было немало явных и скрытых сторонников республиканской формы правления, что и показала потом Февральская революция. Однако научного обоснования возможностей и перспектив российского республиканизма школа не дала. Слишком коротким оказался период, отведенный ей историей.

§ 4. Наука конституционного права в XX веке

Развитие науки конституционного права в XX в. распадается на два периода, четкой гранью между которыми является вторая мировая война.

I. Уже в первые десятилетия XX в. классическая школа подвергается критике и постепенно теряет господствующие позиции. Разумеется, накопленный ею "банк данных" сохранял свое значение и использовался на практико-прикладном уровне, но ее исходные установки уже не определяли развитие конституционно-правовой доктрины.

Сторонники новой ориентации, получивших обобщающее название *юридико-социологического направления* (

Л. Дюги, М. Ориу, Л. Гумплович, Р. Сменд и др.), отвергали позитивистскую методологию и настаивали на том, что государственное устройство должно обратиться к социально-политическим реалиям.

Практически это выразилось прежде всего в замене юридического видения государства, свойственного классической школе, трактовкой государства в понятиях силы и фактического властвования. Так, по Дюги, государственная власть есть "социологический факт", правление людей, в каком-то отношении более сильных, чем остальные; будучи фактом, государственная власть не нуждается в легитимации, понятия *воля* и *суверенитет народа* оказываются излишней "недоказуемой идеей". В контексте конституционного права трактовка государства как силы приводила многих государствоведов (например, Л. Гумпловича) к выводу о несостоятельности понятия "правовое государство".

Классическая школа, связанная с идеологией экономическо-го либерализма, принадлежала к учениям, важным отправным пунктом которых была отдельная человеческая личность — инди-вид. Представители социологического подхода считали, что инди-видуалистические доктрины отжили свой век и заменили индиви-да "общностью", "коллективом" в том или ином их понимании.

Наиболее известный автор того периода, французский госу-дарствовед Л. Дюги "со всей возможной энергией" (выражение известного русского юриста П. Новгородцева) отвергает классическую школу за ее индивидуалистический подход, за то, что она видит отдельного человека, но не видит "социальной солидарно-сти", которая и должна определять государственно-правовые от-ношения и институты. Из идеи "социальной солидарности" следу-ет приоритет обязанностей всех членов общества, ее реализация делает излишними понятия *субъекта права* и *субъективного пра-ва*. Только "социальная солидарность" может поставить госу-дарственную власть в строгие правовые рамки. Л. Дюги критикует в этой связи концепцию "самоограничения государства", которую развивали Г. Еллинек и другие представители классической шко-лы, за то, что в данной концепции "самоограничение" зависит только от самого государства. Но даже с учетом этого обстоя-тельства подход классической школы к проблеме выглядит куда более реалистичным. В той же плоскости, что и "социальная со-лидарность", лежит концепция "интегрированного общества" не-мецкого ученого Р. Смэнда и некоторые другие.

Можно привести и другие примеры, показывающие, как и вышеприведенные, характерную особенность юри-дико-правового направления: выдвигались в принципе правильные тезисы, как-то: "наука конституционного права должна выйти за рамки юри-дической догматики"; "в трактовке государства нельзя упускать из виду фактор силы"; "для жизнедеятельности государственно-го механизма чрезвычайно важны общественное сознание и кол-лективные представления". Однако их дальнейшая разработка приводила к выводам, не только малосостоятельным в научном плане, но и препятствовавшим демократической ориентации кон-ституционно-правовой доктрины.

Как относительное исключение в этой последней связи мо-жет рассматриваться так называемый **институционализм** — тео-рия, согласно которой в развитом обществе политическая власть разделена между государством и другими "институциями" (парти-ями, профессиональными и предпринимательскими союзами и т. п.). Хотя с тезисом о разделе (диффузии) государственной власти со-гласиться трудно, необходимо отметить, что в теории институци-онализма нашла отражение сложная структура политической си-стемы общества в развитых странах; это способствовало в даль-нейшем, уже во второй половине века, развитию концепции плюралистической демократии и политического плюрализма (мно-гообразия). Что же касается популярных в рассматриваемый пе-риод идей дюгизма (они активно обсуждались и в советской

научной литературе 20-х гг.), то они сошли на нет, не оставив в современной конституционно-правовой доктрине сколько-нибудь заметного следа, в частности и потому, что они оказались созвучны трактовке государственной власти и соотношения индивида и общества в тоталитарных идеологиях XX в.

1

В ряде европейских государств эти идеологии, отрицавшие демократические конституционные принципы, стали официальными, превратив науку государственного права в апологетику тоталитарных режимов, имевшую мало общего с наукой. С учетом вышесказанного можно сделать вывод, что первая половина XX в. — это период стагнации в науке конституционного права. В значительно меньшей степени это относится к английской и американской юридической литературе, да и в европейской (особенно выдвинувшейся на первый план французской литературе) содержалось немало значимых разработок по проблемам парламентского права, соотношения законодательной и исполнительной властей и расширения компетенции последней, делегированного законодательства и др. Так, тому же Л. Дюги принадлежит формула "собственность обязывает", которую сегодня можно встретить в конституциях многих стран.

II. Во второй половине XX в. в науке конституционного права происходят существенные позитивные изменения, которые сегодня позволяют охарактеризовать ее как *демократическую* док
трину конституционного права.

Исходным пунктом этого развития стало осознание мировым сообществом на конкретном историческом опыте, какую угрозу и бедствия несет с собой тоталитарная государственность. После второй мировой войны в странах Западной Европы и в Японии, освободившихся от фашистских и профашистских режимов, были приняты конституции, основанные на фундаментальных демократических принципах. Позднее, после распада социалистической системы, конституции аналогичного типа были приняты в странах Центральной и Восточной Европы. В результате деятельности Организации Объединенных Наций и некоторых других масштабных международных организаций многие конституционные принципы и нормы приобрели характер международно-правовых стандартов. Это конституционное развитие явилось главным фактором, предопределившим характер и ведущие установочные идеи современной науки конституционного права.

Основная из них — *организация и функционирование государственной власти в соответствии с принципами правовой государственности при главенствующей роли*

института основ-ных прав и свобод человека и гражданина.

На рубеже нового тысячелетия правовое государство стало фундаментальным понятием науки конституционного права. Напомним, что оно прозвучало впервые на рубеже XIX—XX вв. в трудах представителей классической школы. Здесь прослеживается преемственная связь, однако различия достаточно существенны.

Прежде это было не более чем доктринальное понятие; ныне

правовое государство —

принцип, закрепленный в большинстве действующих конституций в качестве основы государственного строя. Ранее перспективы правовой государственности связывались исключительно с волей государственной власти в порядке ее "самоограничения";

сегодня они воспринимаются как результат взаимодействия внутригосударственного права с международным, которое сделало принципы правового государства

международно-правовыми стандарта-

ми.

На рубеже веков понимание правового государства не выходило за рамки сугубо юридического подхода; в конце XX в. общепризнано, что правовое государство может реализовываться, лишь будучи одновременно социальным государством.

Разумеется, в рамках общей ориентации доктрины конституционного права возможны различные трактовки многих, в том числе существенных, проблем и институтов этой отрасли права. В конкретно-исторических условиях возможно, например, противостояние взглядов на форму правления сторонников парламентской республики, с одной стороны, и республики президентского типа — с другой; или же сторонников далеко идущего федерализма и, наоборот, государственной централизации. Это, однако, далеко не то же самое, что научная борьба в прошлом между защитниками государственного строя абсолютной монархии и приверженцами республиканской формы правления или противостояние идей правовой государственности и диктатуры пролетариата. Сегодня при всех различиях и теоретических спорах, которые неизбежны в науке, в конечном счете трудно выделить крупные школы конституционного права, противостоящие друг другу по основополагающим теоретическим аспектам правовой государственности.

Изменились и ушли из стадии противостояния также отношения науки конституционного права и политической науки. Эта последняя сложилась на рубеже XIX—XX вв. в США. Она провозгласила себя прагматической наукой, изучающей в отличие от юридической науки реальное функционирование государственно-правовых институтов. Отказавшись от теоретических конструкций, политическая наука на первых порах выступала как наука сугубо эмпирическая, не шедшая далее фактологического освещения этих институтов, личностных характеристик государственных деятелей и т. п. После второй мировой войны под американским влиянием политология переместилась и на Европейский континент, тоже как дисциплина преимущественно эмпирическая. Однако в дальнейшем теоретический уровень политологии существенно

возрос. В ней сложились два направления: одно из них считало предметом данной науки прежде всего и главным образом политику и политические отношения, а другое — изучение политических систем, преимущественно в их институциональном аспекте. В тех странах, где преобладало второе направление, политическая наука тесно сблизилась с наукой конституционного права, в которой в свою очередь ранее уже возросла социологическая ориентация. Во Франции, например, сложилась дисциплина, именуемая "Конституционное право и политические институты". Вряд ли можно говорить о науке конституционного права в США как автономной по отношению к политической науке.

Если сравнить науку конституционного права в разных странах, то обнаруживаются немаловажные отличия. Они обусловлены особенностями государственного строя, отражающего историю и традиции страны, демографические и геополитические факторы, политическую ситуацию, в которой принималась ее конституция и т. п. Они обусловлены также своеобразием пути развития, пройденного юридической наукой в каждой стране, особенностями общественного сознания, в первую очередь правосознания, и т. п. Сказывается и соперничество национальных доктрин, хотя в настоящее время нет такого противостояния и конфронтации, которыми в XIX — начале XX в. отличались взаимоотношения наук конституционного права во Франции и государственного права в Германии (об этом говорит даже наименование наук). Хотя сегодня отчетливо проявляется тенденция к нивелированию различий (в частности, под влиянием интеграционных процессов), конституционно-правовые доктрины отдельных стран сохраняют каждая свой стиль и характерные черты, по-разному расставляют акценты в освещении институтов действующего права. С этим связано то большое внимание, которое в науке конституционного права уделяется сравнительно-правовым исследованиям.

Укажем еще на одну чрезвычайно важную особенность науки конституционного права на рубеже нового тысячелетия. Сегодня ушло в прошлое длительное идеологическое противостояние западной демократической конституционно-правовой доктрины и социалистической науки государственного права, сложившейся в Советском Союзе, других странах социалистической системы. Эта наука видела одну из важнейших своих задач в критике и разоблачении "буржуазной демократии". Она отрицала основные идеи и ценности, на которых основывались демократическая конституционно-правовая доктрина и само конституционное право второй половины нашего века, как-то: правовое государство, разделение властей, политический и идеологический плюрализм, неотчуждаемые права человека и гражданина, парламентаризм, конституционное правосудие и т. д. Даже после того как в 60—70 гг. вследствие отказа от "диктатуры пролетариата" (которая как власть, не ограниченная законом, не оставляла конституционному праву сколько-нибудь значимой роли) и утверждения принципа "мирного сосуществования" двух общественных систем в социалистической науке государственного права произошли некоторые позитивные сдвиги и расширился круг

исследований, посвященных основным институтам конституционного права, в том числе и зарубежным, исходные позиции серьезных изменений не претерпели.

Качественно новый период в развитии российской науки конституционного права начался в конце 80-х гг., когда подобающее ей место заняла идея правового государства, а права и свобода человека и гражданина перестали рассматриваться как дарованные ему государством и партией.

Политические процессы, проходившие в России, ломали старые институты и незамедлительно требовали новых реальных знаний о парламентаризме, избирательных системах, принципах реального федерализма, судебном конституционном контроле и т. д. Формировалась новая демократическая доктрина конституционного права. Ее становление было достаточно сложным — в противостоянии новых идей и прежних представлений, но в целом успешным. Важным фактором, стимулирующим развитие этой доктрины, стала Конституция Российской Федерации 1993 г., по всем основным параметрам соответствующая модели современной демократической конституции.

Основу сегодняшней российской конституционно-правовой доктрины составляют демократические взгляды на устройство государства, в концентрированной форме выраженные в идее правового государства и главенства института прав и свобод человека и гражданина.

Тем самым она отчетливо отразила основное направление развития демократической конституционно-правовой доктрины на рубеже нового тысячелетия.

Основные положения и установки конституционно-правовой доктрины, исторически сложившейся на Европейском и Американском континентах, восприняты в ряде стран и за их пределами (например, Индия, Израиль). Вместе с тем нельзя не видеть, что в государствах, именующих себя исламскими, а под их влиянием и в некоторых других государствах либерально-демократической конституционной доктрине противостоит доктрина, основанная на исламе и отстаивающая иной тип государственного устройства и правового статуса личности. В этой доктрине нет места суверенитету народа, политическому и идеологическому плюрализму, равноправию, независимо от пола и отношения к религии и многим другим демократическим принципам и институтам. С трудом вписывается в эту доктрину даже само понятие конституций, да и то понимаемой как закон, октроированный (дарованный) монархом либо верховным

религиозным лидером.

Следует помнить и о том, что предмет науки конституционного права шире, чем само конституционное право. Наряду с источниками и институтами данной отрасли он охватывает историческое развитие конституционного права как такового и его основных институтов, зарубежное конституционное право. Кроме того, наука конституционного права изучает свой собственный путь развития, разрабатывает свою методологию, определяет свои отношения со смежными научными дисциплинами.